

Смерть двух чиновников из Бюро астрономии произвела сильное устрашающее впечатление на клику регента. В последние дни в императорском дворце-убежище они вели себя тихо и смиренно, а Ван Шэньчжи даже лично явился к молодому императору с приветствием — его слова были исполнены почтительности, словно он и впрямь являлся преданным подданным.

Дворец-убежище в Чэндэ изначально строился ради проведения ритуалов жертвоприношений, поэтому, хотя парадные залы и павильоны поражали воображение своей роскошью, мест, где можно было бы просто прогуляться и полюбоваться видами, оставалось крайне мало.

Все эти дни, охраняя безопасность Сяо Юя, Ци Цзюнь неотступно следовал за ним.

Сяо Юй же, если не считать редких выходов во внутренний двор, где он подолгу застывал в оцепенении, глядя на бескрайние небеса, лишь сидел в комнате и упражнялся в каллиграфии, выводя иероглиф за иероглифом, почти не выходя наружу.

Иногда, устав стоять, Ци Цзюнь садился на порог и отдыхал, прислонившись к дверному косяку. Сяо Юй не обращал на это внимания: они редко обменивались словами, но между ними установилось полное взаимопонимание без лишних речей.

В последний день третьего года Тяньци, в самый вечер праздника Фонарей, после недавнего снегопада ясное ночное небо усыпали россыпи звезд.

Когда настало время отходить ко сну, Сяо Юй оказался полностью одет и причесан. Глядя в зеркало, он поправил внешний вид и накинул на плечи темно-зеленый с золотым шитьем журавлиный плащ.

— Генерал Ци, пойдёмте со мной наружу, — произнес он, закончив сборы, обращаясь к ожидавшему у дверей Ци Цзюню.

Позднее владыки Поднебесной, вновь перелистывая историю Великой Шан, неизменно сходились на том, что этот эпизод стал важнейшим предзнаменованием для череды последующих событий.

В своих грезах они описывали царившую в тот день аномальную погоду и те громкие клятвы, что дал прославленный генерал в озаренную дневным светом ночь, однако в действительности Ци Цзюнь чувствовал лишь невероятно мягкий и ласковый лунный свет.

Хотя внешне соглядатаи регента стали куда сдержаннее, их сеть продолжала действовать день и ночь.

Совершенно не заботясь о своем высоком статусе, оба согнулись в три погибели, пробираясь сквозь густой бамбук, и, укрываясь в тени дворцовой стены, словно мышата, тихонько зашагали прямо вдоль её основания.

Сяо Юй, казалось, чувствовал себя в таком способе передвижения как рыба в воде, но Ци Цзюнь, привыкший всегда шагать по широким дорогам, сейчас выглядел словно ребенок, только что научившийся ходить.

Он следовал по пятам за императором, то останавливаясь, то вновь пускаясь в путь, пока наконец они не замерли в каком-то глухом углу. Возможно, из-за крайней уединенности кладка дворцовой стены здесь слегка обрушилась, но до этого никому не было дела.

Сяо Юй указал на трещину в месте схождения двух стен — в неё как раз мог пролезть согнувшийся пополам человек.

— Генерал Ци, протискиваемся, — бросил он.

С этими словами он прижал полы одежды к груди и, боком скользнув внутрь, с легкостью очутился по другую сторону стены.

Ци Цзюню не оставалось ничего другого, кроме как последовать примеру императора.

По другую сторону стены начинался пологий склон небольшого холма, поросший редкими соснами. Стоило лишь придерживаться за стволы деревьев, как можно было безопасно добраться до самого подножия, где верные доверенные лица уже подготовили лошадей.

Сяо Юй всматривался вдаль: степь от края до края пересекала вовсе не недостижимая линия горизонта, а вздымающиеся от самой земли крутые горные хребты. В тених высоких и низких гор крошечный пограничный городок тоже праздновал свой праздник Фонарей, и редкие огоньки мерцали там подобно порхающим у реки светлячкам.

Ветер дул со всех сторон. В сознании Сяо Юя проступали смутные образы праздничных фонарей во Дворце Цзясян и пышных гуляний на горе Аошань. Он протянул руку, и пограничный городок уместился в контуре, очерченном его большим и указательным пальцами — всё оказалось под его полным контролем.

— Ва... Ваше Величество... — послышался из-за спины голос Ци Цзюня.

Генерал застрял: половина его тела находилась по ту сторону стены, а половина — по эту. Он хотел позвать, но боялся привлечь внимание тех, кто остался внутри, а если не звал, то оказывался намертво зажатый в каменной ловушке, выглядя при этом крайне комично.

Щель оказалась не такой уж большой, и проскользнуть сквозь неё удалось лишь потому, что Сяо Юй отличался куда более стройным телосложением. Ци Цзюнь же, годами закалявшийся в походах и обладавший крепкой, ладной фигуркой, стоило ему лишь попытаться, застрял намертво.

— Я вытяну вас, — Сяо Юй сначала удивился, но тут же сообразил, в чем дело, ухватился за руку Ци Цзюня и принялся изо всех сил вытягивать его назад.

Они потянули одновременно, и поначалу дело сдвинулось с мёртвой точки — тело Ци Цзюня чуть подалось вперед. Сяо Юй посчитал это движение слишком медленным и приложил еще больше усилий.

— Ваше Величество! Не...! — не выдержав, воскликнул Ци Цзюнь, но было уже поздно.

Раздался отчетливый звук рвущейся ткани.

Ци Цзюнь вырвался на свободу, но вылетел назад, прикрывая рукой заднюю часть бедра. Одевание, что было на нем, изначально не отличалось прочностью, и от рывка, совершенного Сяо Юем, на штанах образовалась огромная пробоина, куда теперь задувал холодный ветер.

В этот момент Ци Цзюнь искренне не понимал, стоит ли ему сгорать со стыда или же дрожать от ледящего ветра.

Увидев, как генерал зажимает рукой бедро, Сяо Юй вмиг всё понял. Он разразился хохотом, хотя и старался не шуметь слишком сильно. Это был самый счастливый момент за весь период его самостоятельного правления, жаль только, что омрачался он замерзающим Ци Цзюнем.

— Накиньте, генерал, — Сяо Юй, придерживая руками живот, сбросил собственный плащ и набросил его на плечи Ци Цзюня.

— Ваше Величество, в такую стужу! Не беспокойтесь о недостойном, лучше сами закутайтесь покрепче, — нахмурившись, произнес Ци Цзюнь, совершенно не замечая влажных ноток приказа в собственном голосе.

Сяо Юй продолжал смеяться, разве что чуть тише прежнего. Покачав головой, он ответил:

— Если вы явитесь предо мной в таком виде, да еще натолкнемся по дороге на девиц, любующихся фонарями, меня ведь наверняка примут за какого-нибудь извращенца.

Ци Цзюнь покраснел и умолк, лишь сильнее запахнув плащ. От накидки исходил легкий чистый аромат — тот самый запах, который он почувствовал в тот день во Дворце Чунхуа, когда Сяо Юй опьянел.

— И почему генерал Ци даже не поинтересовался, куда это мы направляемся? — спросил Сяо Юй, взяв коней под уздцы, когда они наконец благополучно спустились с холма.

— Недостойный верит Вашему Величеству.

— Хм, — Сяо Юй довольно кивнул. — Я веду тебя к человеку, который невероятно важен для меня.

Конские копыта ступали по голой, лишенной травы проселочной дороге, и желтая земля под бледным лунным светом казалась почти седой.

Государевы слуги не стали заезжать в сам городок, выбрав куда более уединенную тропу. Чем дальше они продвигались, тем круче и извилистей становилась дорога, и на последнем участке обоим пришлось спешиться и идти пешком.

Человек, которого разыскивал Сяо Юй, оказался старой отшельницей или стариком, жившим в горной пещере.

При первом же взгляде на старца Ци Цзюнь, хоть и не был с ним знаком, заметил на его груди багрово-красную метку в форме цветка сливы и не удержался от изумленного возгласа:

— Бай Ту! Как это возможно?! Прошло три сотни лет, почему ты до сих пор жив?!

Бай Ту — самый прославленный мастер меча за всю историю Великой Шан, за всю свою жизнь выковавший лишь одно-единственное оружие.

Чисяо — меч, с помощью которого Великий Преддок Шан усмирил Поднебесную.

Лишившийся волос и бороды старик разразился раскатистым смехом. Он был уже настолько стар, что при каждом смехе дряблая кожа на его лице начинала мелко дрожать.

— Мальчишка! Глаз алмаз, хотя тот, о ком ты толкуешь — прапра... и еще невесть какой дедушка моего деда! — он хлопнул себя по коленям, предаваясь воспоминаниям. — Мои предки и впрямь занимали высокие посты при дворе, но сердцем всегда принадлежали кузнечному делу...

В исторических хрониках значилось, что между основателем династии Шан и первым канцлером Бай Ту существовала крепкая дружба. Высокий предок обожал красную сливу, и тогда Бай Ту вытатуировал на груди ветку цветущей сливы, с тех пор ставшую отличительным знаком рода Бай.

Позднее, когда Великий Преддок скончался, охваченный безутешным горем Бай Ту удалился от мира в глухие места и вернулся к ремеслу коваля, дав клятву из поколения в поколение защищать государственные устои ради потомков правителя, создавая для них императорские мечи, способные рубить продажных сановников.

Седовласый старец приходился прямым потомком тому роду и звался Бай Сун.

— Вот и выходит, что я — несчастный бедняга, которого судьба держит за хребет, — сокрушенно вздохнул старик. — Всю жизнь угробил в этой паршивой пещере. Мечи то переплавлял, то снова ковал, думал уж, до самой смерти никого не дождусь...

— Отсутствие людей лишь доказывает прочность мира. Если бы каждый из императоров являлся сюда, разве Шан не покатила бы к закату? — возразил Сяо Юй.

Выслушав рассказ старика, Ци Цзюнь невольно проникся глубоким уважением: оказывается, на свете и впрямь существовали клятвы, способные перешагнуть через века.

— Ладно-ладно, выкладывай то, что принес, — Бай Сун протянул руку к Сяо Юю.

Сяо Юй снял с плеч и протянул деревянный ларец, который всё это время нёс за спиной. Содержимое ларца повергло Ци Цзюня в крайнее изумление.

Императорский меч Чисяо. Клинок его сиял багрянцем, словно живое пламя, за столетия эфес покрылся патиной, но в сумраке ночи лезвие продолжало испускать тусклый свет.

— Его вечно держали на возвышении во дворце как святыню, мне стоило немалых трудов вызволить его оттуда, — Сяо Юй неизменно предпочитал говорить о серьезных вещах с легкой улыбкой.

Ничего не отвечая, старик молча принял меч и повернулся к горну, подготавливая материалы дляковки.

Стоя к обоим спиной перед полыхающим пламенем, он принялся опускать молот на клинок, и в тишине ночи во все стороны полетели искры.

Одна слеза упала на край раскаленной печи, поднимая тонкую струйку седого дыма.

Ради клятвы своих предков он всю свою долгую жизнь ждал этого дня.

Сейчас он любовно выковывал Чисяо заново, точно мать, вскармливающая младенца.

Когда-то давно правитель с помощью Чисяо положил начало целой эпохе. Оглянувшись на Ци Цзюня, который хоть и чувствовал себя не в своей тарелке, но продолжал легко и непринужденно переговариваться с Сяо Юем, а затем переведя взгляд на стоявшего рядом мягкого нравом, но глубокого умом юного императора, Бай Сун опустил на заготовку финальный удар молота.

В отличие от меня, старого хрыча, мальчишки, ваша дорога впереди будет долгой. — с горькой усмешкой подумал про себя мастер.

Забрав выкованный заново меч Чисяо, оба путника пустились в обратный путь и вернулись в императорский дворец задолго до рассвета.

Протискиваясь обратно через расщелину, Сяо Юй опасался, что Ци Цзюнь снова застрянет, однако, видимо, накопив опыта, генерал хоть и расширил прореху на одежде, на сей раз проскользнул внутрь без малейших усилий.

Шагая по дворцовому коридору и прижимая к груди деревянный ларец, Сяо Юй задумчиво произнес:

— Генерал Ци, как у вас обстоят дела с владением мечом?

— Недостойный не смеет называть себя божеством или святым меча, но кое-какими навыками владею.

— Отныне вы будете моим учителем фехтования, — решительно заявил Сяо Юй.

<http://bllate.org/book/21170/2144725>